

УДК 378::011.3-057.875(470+477)

УЧЕБА И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ РОССИИ И УКРАИНЫ¹

Белова Ольга Рудольфовна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Певная Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

В статье продолжен анализ результатов изучения ценностных ориентаций и установок в сфере профессионального образования университетской молодежи России и Украины – Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Рассматривается влияние учебы на устойчивость профессионального выбора студентов, выявляются типы профессиональной идентификации.

Ключевые слова: профессиональный выбор, стабильность профессионального выбора, учеба, профессиональная идентификация студентов, типы профессиональной идентификации.

У статті продовжено аналіз результатів дослідження ціннісних орієнтацій і установок у сфері професійної освіти університетської молоді двох великих міст Росії та України – Уральського федерального університету імені першого Президента Росії Б.Н. Ельцина і Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Розглядається вплив навчання на сталість професійного вибору студентів, виявляються типи професійної ідентифікації.

Ключові слова: професійний вибір, його стабільність професійного вибору, навчання, професійна ідентифікація студентів, типи професійної ідентифікації.

The article presents the analysis of the results of the study of value orientations and attitudes in the field of vocational education of the university youth of two large cities in Russia (Yekaterinburg) and Ukraine (Kharkiv) - the Ural Federal University of the name of the first President of Russia B.N. Yeltsin (UrFU) and V.N. Karazin Kharkiv National University (KhNU). The impact of the education on the sustainability of the professional choice of the students is studied, the types of professional identification are analyzed.

Keywords: professional choice, stability, education, professional identification of students, types.

Развивая идеи нашей предыдущей статьи [1]², обратим внимание на роль учебы в дальнейшем переосмыслении студентами своего профессионального выбора, его оценки с учетом нового опыта (освоение профессиональных знаний, умений, навыков, компетенций; взаимодействие с преподавателями и студентами; взаимодействие – для работающих студентов или в период практики – с трудовыми коллективами). При этом важно преодолеть бытующее отождествление выбора профессии и выбора конкретной формы и направленности профессиональной подготовки. В конечном счете, выбор вуза, специальности, направления является и выбором молодым человеком своего места в социально-профессиональной структуре общества, определяющим его перспективную принадлежность к

© Белова О. Р., 2011

© Вишневский Ю. Р., 2011

© Певная М. В., 2011

¹ Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009-2013 гг., ГК № 14.740.11.0224.

² В статье анализировались результаты международного исследования (рук. проф. Л.Г. Сокурянская) студентов УрФУ (N = 320 чел.; 29% – муж.; 71% – жен.; 44% – студенты I курса, 56% – IV) и ХНУ (N = 328; 28% – муж.; 72% – жен.; 53% – студенты I курса; 47% – IV). Их анализ продолжен в данной статье.

определенной профессиональной группе. Во многом этот выбор обусловлен социальным престижем этой профессии, профессиональной группы, в нем непосредственно или косвенно отражается социальная стратификация общества.

Профессиональная стратификация, по П. А. Сорокину, – одна из трех основных форм социальной стратификации, наряду с экономической и политической. Подчеркивая их взаимосвязь, соотносимость позиции личности в каждой из них, одновременно – П. А. Сорокин акцентирует внимание на возможность ситуации, когда "различные слои каждой из форм не полностью совпадают друг с другом. Вернее, они совпадают друг с другом, но лишь частично, то есть до определенной степени"[2; С.302, 354]. Разграничивая внутри профессиональную и межпрофессиональную стратификацию, ученый, особо выделял – как основание последней – роль "уровня интеллекта" (уровня компетентности), который необходим для "успешного выполнения профессиональных обязанностей". Применительно к внутрипрофессиональной стратификации им был выявлен феномен "профессионального феодализма", когда "разница зарплаты и разница социального положения" работника во многом определяются различиями не в уровне интеллекта, а иными факторами.

Среди факторов профессионального выбора, как все чаще отмечается современными социологами, особую роль играет социальный капитал. В этом ракурсе значима трактовка П. Бурдье социального капитала как "ресурсов", которые основаны на "отношениях в группе членства" и "родственных отношениях" [3; Р.21]. Разделяя эту позицию, Дж. Коулмен соотносил социальный капитал с "включенностью человека в социальную структуру" [4].

В идеале выбор профессии – результат соотнесения человеком своих внутренних ресурсов с требованиями профессии. В реальных ситуациях многое зависит от глубокой и всесторонней оценки этого внутреннего ресурса: насколько молодому человеку ясны и понятны требования профессии, рассматриваемые не ситуативно, а в перспективе – с учетом тенденций изменения социально-профессиональной структуры общества, динамики социального престижа профессий. Если учесть негативные последствия социальных перемен последних десятилетий на постсоветском пространстве (времени жизни сегодняшних студентов, периода их социализации) – деформацию профессиональной структуры и профессионального престижа (на основе "сервизации экономики", кризиса ВПК и других отраслей материального производства в постсоциалистических странах), деформацию трудовой морали (в плане снижения ценности созидательного труда), и т.д., то станут понятными возросшие трудности и противоречия профессионального выбора.

За 20 лет реформ ориентиры, траектория и эффективность социального выбора постсоветских стран далеки от четкости и ясности. Но в социуме, где "самоопределение" серьезно затянулось, представить перспективы той или иной профессии, выбрать её для себя, соотнести себя с ней, принять её нормы, роли и статусы, т.е. осуществить профессиональную идентификацию [см.: 5; 6], весьма сложно. Выбор профессии все более связан с риском, становится проблемным. Возникает ситуация, которую Э. Гидденс поркомментировал следующим образом: "У нас нет другого выбора, кроме постоянного выбора" [7; с.19]. Сложившаяся ситуация усугубляется обострившимся расхождением между уровнем профессионализма и уровнем материального положения по целому ряду традиционных профессий и профессиональных групп (что проявляется в феномене "новых бедных", среди которых весьма велика доля представителей интеллектуального труда, имеющих сравнительно высокий уровень профессиональной подготовки). По мнению Ю. Верлиной (ВЦИОМ), одной из важных характеристик современного рынка труда является *совпадение представлений о доходных и престижных профессиях*: "Самые доходные и есть самые престижные, при этом они не обязательно должны быть уважаемыми". Уважаемыми, наоборот, являются самые неприбыльные виды деятельности: здесь традиционный список из врачей, учителей, преподавателей. "В советское время было наоборот. Престиж определялся не доходностью, а другими факторами. Теперь же бытует мнение, что если человек работает учителем, то он неудачник" [8].

Таким образом, нынешняя ситуация на постсоветском пространстве, в том числе в России и Украине, усиливает противоречия профессионального выбора. И дело не только в том, что выбор абитуриентами вуза зачастую не является *профессиональным* выбором в полном смысле этого слова: в России, например, "до 40% выпускников технических факультетов вузов ежегодно трудоустраиваются не по той специальности, которую приобрели в вузе" [9; с.221]. Аналогичная информация была получена нами в ходе исследования, результаты которого анализируются в данной публикации: стремление к практической деятельности по специальности отметили 32% студентов УрФУ и 23% студентов ХНУ. Среди желательных форм трудоустройства после окончания вуза для студентов УрФУ особенно значимы *создание собственного бизнеса* (43% и 21% соответственно) и *административно-управленческая деятельность* (соответственно, 22% и 10%). Научно-исследовательской работой хотели бы заниматься

19% студентов ХНУ и 5% студентов УрФУ, преподавательской деятельностью (в школе, колледже, вузе) соответственно, 21% и 4%.

Определить степень соответствия этих видов деятельности и осваиваемой профессии достаточно сложно. Подчеркнем, что у 13% студентов УрФУ и 20% студентов ХНУ даже к IV курсу нет четких планов на перспективу. К тому же безразличие к осваиваемой профессии (*все равно, чем заниматься, лишь бы платили; хотели бы не работать, а посвятить себя семье, детям*) проявили, соответственно, 11% и 5%. Итак, для значительной части выпускников вузов осваиваемая профессия не является "профессией на всю жизнь".

Комментируя данную ситуацию, мы постараемся воздержаться от стереотипного мнения, что это – следствие несерьезного отношения современной молодежи к выбору профессии.

По нашему мнению, во многом это следствие и отражение медленных темпов и противоречивости реформы образования (особенно – высшего) в наших странах. "Система образования готовит людей к "уходящей" экономике. Увеличивается разрыв качеством образования и ростом требований к компетенциям персонала. Причем эта тенденция характерна не только для нашей страны. Несоответствие того, чему учат, тому, что требуют социально-практические ситуации, – глобальный кризис мирового масштаба. А в условиях, когда высшее образование стало массовым, практика передачи "готовых знаний" приводит к всеобщей имитации: одни делают вид, что учат, а другие, что учатся. Идеология "передачи знаний" должна смениться идеологией формирования компетенций (навыков коммуникации, поиска и анализа информации, самообразования, коллективной работы и проч.). Т.е. результатом образования должен стать не перечень учебных предметов и число часов, а достижение уровня самостоятельного оперирования знаниями. На смену передаче знаний приходит передача дееспособности" [10].

Поведение молодых людей в ситуации выбора, в частности профессионального, весьма различается. Эмпирические исследования, посвященные проблемам выбора старшеклассниками конкретного вуза, показывают: даже накануне выпуска четко определяются с выбором лишь 30-40% выпускников школ (их доля снижается в массовых общеобразовательных школах, особенно, в сельских, и повышается в гимназиях, профильных классах, крупных городах). 40-50% составляют колеблющиеся, включая и тех, чей выбор неустойчив. Наконец, велика и доля тех (почти четверть выпускников), кто проявляет безразличие к этому выбору. С учетом распространенности ориентира "вуз!вуз!вуз!" среди абитуриентов до 50-70% – это колеблющиеся, неустойчивые, безразличные.

Близки к этому и результаты опроса студентов УрФУ и ХНУ о мотивах получения образования в высшей школе. Приоритетно стремление стать квалифицированным специалистом в избранной области. Но в общей массе ответов на долю данного мотива приходится лишь 21% (УрФУ) и 22% (ХНУ). К профессиональным из-за стремления получить "выгодную", "доходную" профессию можно отнести и мотив *стремление обеспечить стабильный материальный достаток в будущем* – (соответственно, 22% и 21%). Но все-таки ориентация на социальный и культурный капитал (стремление к высокому социальному статусу; желание стать культурным, высокообразованным человеком; иметь интересный круг общения) оказывается сегодня более значимой – 33% (УрФУ) и 32% (ХНУ).

Подчеркнем, что в ответах наших респондентов отразилась смена в профессиональной идентификации современной молодежи "идеального образа профессионала" на "идеальный образ жизни", когда выбор профессии становится инструментом – средством для достижения желаемого образа жизни, путем к жизненному успеху, карьере. В перспективе можно ожидать усиление важности практических мотивов (*диплом вуза пригодится в жизни; желание жить и учиться в большом городе; надежда встретить будущего спутника жизни; возможность не идти в армию*). Сегодня 18% студентов и в УрФУ, и в ХНУ указывает на эти мотивы выбора высшего образования.

Социологический анализ профессионального самоопределения студентов не может игнорировать личность субъекта выбора – абитуриента, студента. Э. Бёрн высказал интересную идею о "реальном человеке": он "не должен жить по формуле", должен сочетать в своих действиях и спонтанность, и рациональность, учитывать обстановку и окружение [11, с.200-204; 12]. Подобные идеи содержит теория "самоактуализации" А. Маслоу, который связывал данный феномен (самоактуализацию), в том числе, соотносившего её с "увлеченностью значимой работой", и теория трансцендентности (способность человека "выходить за рамки самого себя", умение находить новые смыслы) В. Франкла [13]. Общая ценностная переориентация в постсоциалистических странах – от "долга перед обществом, другими" ("Раньше думай о Родине, а потом – о себе") к личному успеху – определяет актуализацию этих идей. Ориентация на "жизнь не по формуле", на "выход за рамки себя" усиливает самостоятельность профессионального выбора [См.: 14]. Это проявилось и в нашем исследовании: лишь 5% студентов УрФУ и 6% студентов ХНУ отметили, что на их выборе "настояли родители", лишь 1% (в каждом из вузов) объяснил свой выбор желанием унаследовать

профессию родителей. Роль учителей и специалистов по профориентации как фактор профессионального выбора и профессиональной идентификации вообще не прослеживается.

В этом контексте необходимо подчеркнуть острую потребность в кардинальных переменах в сфере профориентации – от идущей извне ориентации на профессию к внутренней ориентированности. Кстати, именно такое изменение приблизит все еще бытующее в наших странах понимание профориентации (воздействие на молодежь) к её трактовке в документах МОТ, где государствам рекомендовано постепенно расширять, приспособлять и гармонизировать системы профподготовки, "чтобы они отвечали потребностям молодых людей и взрослых в получении профессиональной подготовки в течение всей их жизни, во всех секторах экономики, во всех отраслях экономической деятельности и на всех уровнях квалификации и ответственности". Таким образом, основное предназначение профориентации – "помогать любому человеку на основе равенства, без всякой дискриминации развивать и применять профессиональные навыки в своих интересах и в соответствии со своими устремлениями, учитывая интересы общества" [15]. Итак, на первом плане интересы и потребности личности, молодого человека.

Поступив в вуз, студент, руководствуясь своими интересами и потребностями, не завершает, а продолжает в процессе учебы, по М. Веберу, взвешивать и совершать "выбор между ценностями... как ему велит его совесть и его мировоззрение" [16, с.148].

Удовлетворенность студента выбором вуза проявляется уже в значимости стремления стать высококвалифицированным специалистом как мотива успешной учебы. Однако, среднебалльная оценка (диапазон от +2 /очень сильное влияние/ до -2 /очень слабое влияние/) показало, что такое влияние сказывается лишь "отчасти" (у студентов УрФУ – 1,06; ХНУ – 1,15), а вот интерес к изучаемым дисциплинам влияет несколько выше (у студентов УрФУ – 1,37; ХНУ – 1,27). Хотя этот интерес (по среднебалльной оценке) не очень высок (у студентов УрФУ – 1,00; ХНУ – 0,92).

В рамках исследования изучались и другие важные аспекты отношения к учебе (в ракурсе профессиональной идентификации):

- *успеваемость в школе и вузе*: она – достаточно высока, но тенденции различаются (по УрФУ снижение от 4,32 в школе до 4,17 в вузе, по ХНУ, напротив, рост – с 4,18 до 4,38);
- *систематичность занятий на протяжении семестра* (среднебалльные оценки по этому параметру низки: по УрФУ – 0,27; по ХНУ – 0,44). Очевидно, и новым поколениям студентов не удастся преодолеть стереотип "от сессии до сессии живут студенты весело";
- *регулярность посещения занятий и активность работы на них* (по этому параметру оценки одинаковы – 0,71, отражая невысокую активность студентов, и медленное внедрение в учебную практику наших вузов активных форм обучения);
- *как дается освоение учебного материала?* (тут завидное единство – преобладает мнение об относительно легком освоении – среднебалльная оценка 0,47);
- *учатся ли в полную меру своих сил и способностей?* (выявлено: самореализация многих студентов в учебе происходит относительно легко: по данному параметру среднебалльная оценка у студентов УрФУ – 0,16, у студентов ХНУ – 0,24). Острее эта проблема проявилась в ответах на вопрос "Работаете ли Вы сверх установленной программы" – (среднебалльные оценки отрицательны: по УрФУ – -0,75, по ХНУ – -0,39);
- *наконец, выявлялась и степень практического использования осваиваемых знаний* – изучение иностранных языков и умение работать в Интернете. Лишь один из шести респондентов (17% /ХНУ/-18% /УрФУ/) практически не использует знание иностранных языков. Что касается вопроса о том, для чего нашим респондентам нужен иностранный язык, то на первом месте информационно-коммуникативные мотивы: 63% студентов УрФУ и 45% студентов ХНУ, отмечают, что это знание помогает работать в Интернете; 47% и 40%, соответственно, – общаться с иностранцами. Кроме этих, косвенных индикаторов важности изучения иностранного языка в профессиональном и личностном становлении студентов, выявлены и прямые: каждый четвертый (23% в УрФУ; 25% – в ХНУ) использует знание иностранного языка для чтения литературы по специальности; каждый пятый (21% – и УрФУ, и в ХНУ) – для работы в иностранных фирмах, подготовки к временной работе за рубежом; каждый пятый (в УрФУ – 18%) и каждый третий (в ХНУ – 37%) – для того, чтобы иметь возможность продолжить учебу за границей.. Профессиональная направленность компьютерных умений проявляется менее четко: лишь 28% студентов УрФУ и 15% студентов ХНУ используют Интернет в поиске информации о трудовых вакансиях; 10% и 5% – для заработка (программирование, поиск информации). Наряду с коммуникативно-информационными мотивами значимо и использование Интернета в учебных целях. Но тут есть и негативный оттенок – соотношение поиска информации и поиска готовых рефератов, курсовых работ и т.д. ("скачивание") у студентов УрФУ 5: 4; у студентов ХНУ – 14: 8. Тем самым, выявился серьезный перекос в информационной культуре наших респондентов.

Обращаясь к кластерному анализу (по методике Л.Б. Шнейдер [5; 6]), мы выделили такие типы профессиональной идентичности студентов:

- *позитивная профессиональная идентичность* (уверенность в верности своего выбора; понимание значения выбранной профессии и своей профессиональной роли; наличие четкого образа профессии; стремление к профессиональной карьере) – 32% среди студентов УрФУ; 41% – среди студентов ХНУ;

- *диффузная идентичность* (сомнение в выборе профессии; нечеткость образа выбранной профессии; ориентация на завершение обучения в вузе как основы жизненного успеха, готовность ко "второму" высшему или поствузовскому образованию) – 44% среди студентов УрФУ; 35% – среди студентов ХНУ;

- *псевдопозитивная идентичность* (уверенность в правильности своего выбора; оценка профессии на основе традиций, стереотипов; ориентация на работу по профессии как долг, обязанность) – 12% среди студентов УрФУ; 14% – среди студентов ХНУ;

- *профессиональный мораторий* (неуверенность в своем выборе; поиск иных путей профессионального выбора; учеба по инерции, нередко сочетаемая с другими формами обучения) – 7% среди студентов УрФУ; 8% – среди студентов ХНУ;

- *кризис идентичности* (осмысление неправильности своего выбора, стремление к смене вуза, факультета, осваиваемой профессии) – 5% среди студентов УрФУ; 2% – среди студентов ХНУ.

Конечно, такая типология условна (объект анализа – не конкретная профессия, а разные профессии; сказываются и особенности выборки – в ХНУ больше гуманитариев и естественников, нет "технарей"; в УрФУ – каждый пятый "технарь", больше респондентов, представляющих студентов социально-экономического профиля). И все-таки такая информация может быть весьма полезной при разработке стратегии развития вузов.

Итак, сегодня учеба не смягчает противоречивость выбора профессии. В этих условиях соответствующие выводы должны сделать не только работодатели (о чем пишут достаточно часто), но и педколлективы вузов. Нужно четче определиться с профилем подготовки (особенно – с сочетанием профессиональной и общей направленности). При этом важно учитывать, что: для студентов высшее профессиональное образование все менее воспринимается как профессиональное и все более – как просто высшее. Помочь вузам в разрешении этой проблемы – серьезная задача социологов, которым нужно прислушаться к мнению своих коллег П.Бергера и Т. Лукмана: "Главный для социологической теории вопрос может быть поставлен следующим образом: каким образом субъективные значения становятся объективной фактичностью?" [17; С.19].

ЛИТЕРАТУРА: 1. Белова О.Р., Вишневский Ю.Р. Профессиональный выбор студентов России и Украины: сравнительный анализ // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. 2011. №948. С.229-233. 2. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. - М.: Политиздат, 1992. - С.302-373. 3. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for Sociology of Education. N.Y., 1986. 4. Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology.- 1988. -№94.- P. 95-120. 5. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Теория, эксперимент, тренинг. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004.- 600с. 6. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность. Теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. - 128 с. 7. Гидденс Э. Современность и самоидентичность// Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. РЖ. Серия 11. Социология. 1994. №2. С.14-27. 8. ВЦИОМ. Режим доступа: <http://wciom.ru/issledovanijabiznes/zakaznye-issledovaniya/issledovaniya-chelovecheskikh-resursov/publikacii-v-smi/expert-12102007.html> 9. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет.- М.: ЦСПиМ, 2010.- 592с. 10. Инженеры третьего поколения // Известия. 2008. 12 ноября. 11. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры: Что вы говорите после того, как сказали "Здравствуйте"? / Пер. с англ. СПб.: СпецЛит, 1996. 396с. 12. Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии: Системная, индивидуальная и социальная психиатрия / Пер. с англ.- М.: Академический проект, 2001. - 320с. 13. Франкл В. Самотрансценденция как феномен человека // Человек в поисках смысла / Пер. с англ. СПб.: Речь, 1990. С.54-69. 14. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. - Киев: Наукова думка, 1988. - 144 с. 15. Конвенция МОТ № 142 о профессиональной ориентации и профессиональной подготовке в области развития людских ресурсов (Женева, 23 июня 1975 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kadrovik.ru/docs/08/konv.mot.23.06.75n142.htm> 16. Вебер М. Избранные произведения/ Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. 808 с. 17. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. - 303 с.